

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 1(091);167;82.09

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-59-70

**Материалы
«круглого стола»**

**Памятное: наследие Н.Н. Страхова
в интеллектуальной истории XIX–XXI вв.
Материалы «круглого стола»**

Участники:

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»; olkhov@bsu.edu.ru;
Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета; motovnikova@bsu.edu.ru;

Лопин Роман Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета; lopin@bsu.edu.ru;

Шило Елена Ивановна, кандидат биологических наук, преподаватель Лингвистического образовательного центра Белгородского государственного аграрного университета им. В. Я. Горина; shi-e@yandex.ru;

Салманова Ирина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Белгородского государственного института искусств и культуры; SalmanovaIF@yandex.ru;

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета; lipich@bsu.edu.ru;

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор Университета Сучжоу (провинция Цзянсу, КНР); pipimao@mail.ru;

Маляр Наталья Борисовна, свободный исследователь; natali_light@mail.ru;

Черкесов Валерий Николаевич, писатель, собственный корреспондент «Литературной газеты»; Valery.Cherkesov@yandex.ru;

Сагитова Лилия Кутузовна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры издательского дела и библиотекведения Белгородского государственного института искусств и культуры; sagitova@bsu.edu.ru;

Монастырева Валентина Анатольевна, директор Научной библиотеки им. Н. Н. Страхова Белгородского государственного национального исследовательского университета; monastyreva@bsu.edu.ru;

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, директор музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета; denisova@bsu.edu.ru;

Абрамова Валентина Алексеевна, заслуженный работник культуры Российской Федерации; valaabramova@mail.ru.

Аннотация. Журнал «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» провел «круглый стол» «Памятное: наследие Н.Н. Страхова в интеллектуальной истории XIX–XXI вв.». Участники предприняли анализ современных стратегий исследования мышления и личности Н.Н. Страхова (1828–1896) – философа, ученого-естествоиспытателя, литературного критика и редактора, переводчика и пр. Уточнялись методологические приемы реконструкции познавательного наследия Н.Н. Страхова в перспективе актуализации интеллектуальной истории России XIX в. и в связи с региональными биографическими исследованиями, музейным и библиологическим проектированием мест исторической памяти на родине мыслителя (в историко-культурном и научно-образовательном пространстве г. Белгорода).

Ключевые слова: Николай Николаевич Страхов; интеллектуальная история; герменевтика и эпистемология исторического знания; реконструкция познавательного наследия; историческая память; региональные биографические исследования; музейное и библиологическое проектирование.

Participants:

Olkhov Pavel A., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Editor-in-chief of the journal "Research Result: Social Studies and Humanities"; olkhov@bsu.edu.ru;

Motovnikova Elena N., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University; motovnikova@bsu.edu.ru;

Lopin Roman A., Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Culturology and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University; lopin@bsu.edu.ru;

Shilo Elena I., Ph.D. in Biology, Associate Professor, Linguistic Educational Center of Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin; shi-e@yandex.ru;

Salmanova Irina F., Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Humanities, Faculty of History of Art and Intercultural Communication, Belgorod State Institute of Arts and Culture; SalmanovaIF@yandex.ru;

Lipich Tamara I., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University; lipich@bsu.edu.ru;

Zhu Tszyngan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province; pipimao@mail.ru;

Malyar Natalya B., Free Researcher; natali_light@mail.ru;

Cherkesov Valery N., Writer, Staff Correspondent of The Literaturnaya Gazeta; Valery.Cherkesov@yandex.ru;

Sagitova Lilia K., Ph.D. in Pedagogy, Professor, Department of Publishing and Library Studies, Faculty of Social-Cultural, Information and Library Activity, Belgorod State Institute of Arts and Culture; sagitova@bsu.edu.ru;

Monastyreva Valentina A., Director of the Scientific Library named after N. N. Strakhov, Belgorod National Research University; monastyreva@bsu.edu.ru;

Denisova Irina V., Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the University Museum, Belgorod National Research University; denisova@bsu.edu.ru;

Abramova Valentina A., Honored Worker of Culture of the Russian Federation; vala Abramova@mail.ru.

Abstract. “The Research Result Journal. Social Studies and Humanities” arranged a “round table” “Ad memoriam: the heritage of Nikolai Strakhov in the intellectual history of the XIX-XXI centuries”. The participants undertook an analysis of modern hermeneutic strategies for the study of thinking and personality of N. Strakhov (1828-1896) as a clearly rational and dialogic Russian thinker of the XIX century. There were specified some methodological aspects in the cognitive reconstruction of the heritage of that philosopher as well as a natural scientist, literary critic and editor, translator, etc. – in the perspective of actualization of the intellectual history of Russia in the XXI century connected with regional biographical research, museum and bibliographic design of places of historical memory in the homeland of the thinker (in the historical, cultural and educational space of Belgorod).

Key words: Nikolai Strakhov; intellectual history; hermeneutics and epistemology of historical knowledge; reconstruction of cognitive heritage; historical memory; regional biographical research; museum and bibliographic design.

Ольхов П.А.: Тема, избранная нами для обсуждения, не относится к числу легких. Теперь, в начале XXI века, после практически полного забвения Н.Н. Стрхова на протяжении многих десятилетий века XX, интерес к его трудам есть во всем мире. Их изучают в США, Канаде, Китае и, естественно, в России – в крупнейших исследовательских центрах Москвы и Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Костромы, Перми, Уфы и т.д. На родине, в Белгородском государственном национальном исследовательском университете создана библиотека-музей Н.Н. Стрхова, пока единственная в мире; здесь же учреждена премия им. Н.Н. Стрхова в области гуманитарных наук.

В прошлом году в Белгороде же появилась улица, названная в честь великого земляка. Наследие Н.Н. Стрхова, одного из самых основательных русских мыслителей, ученого-энциклопедиста, желанного собеседника Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка и многих других, очевидно диалогично, но при этом весьма неравномерно распределено по дисциплинарным нишам современной интеллектуальной истории. Труды его хуже знают и менее исследуют историки науки и больше, обстоятельнее – литературоведы (хотя и здесь отнюдь не преодолены познавательные «болезни роста», гиперболизация частных, оценочных суждений

Страхова со стороны некоторых достоевсковедов и др.); совсем мало исследовано его поэтическое и прозаическое письмо, редакторские и переводческие стратегии. В самом начале – анализ литературно-философской публицистики Страхова. Редчайшими следует признать опыты реконструкции страховского философского мышления как явления русской мысли, уточнение его историчности в конкретных контекстах интеллектуальной истории России.

Возрождение интереса к философии и личности Н.Н. Страхова столкнулось с серьезной проблемой адекватной интерпретации: уже в течение многих лет нет согласия в том, в качестве кого «забыт» Николай Николаевич Страхов. Если взять для сравнения других, по существу, забытых – Н.В. Станкевича, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского – с ними дело обстоит гораздо яснее: они были стусеваны, оставлены в исторической тени по идеологическим мотивам, как религиозные христианские мыслители, славянофилы. Но кто же забыт в лице Николая Николаевича Страхова? Об этом можно встретить у разных авторов множество суждений, плохо согласующихся между собой. Один из самых проницательных исследователей, Н.П. Ильин (Мальчевский) утверждает, что Страхов забыт именно в качестве «первого русского философа», создавшего на основе освоенной, прожитой и пережитой западной философии первую развернутую программу национального русского мышления, самопознания и саморазвития. Но, разумеется, ни современники Страхова, ни он сам не понимали себя таким образом. Дело тогда шло, как я думаю, прежде всего о прояснении *органического* характера реальности жизни и мышления, условий возможности мышления как *органической* реальности – отнюдь не по аналогии с условиями возможности существования каких-то биологических объектов, конечно. Страхов и его русские собеседники обсуждают историчность или интеллектуальную жизненность шопенгауэровской мысли, а затем кантовского трансцендентализма, избегая, впрочем, концептуалистских ярлыков, трактуют метафизический горизонт и установки здравого смысла в философии истории Н.М. Карамзина, критически очищают целостное и открытое в своих основаниях, «органическое» мышление русских литераторов, которое не следует вмещать в рамки некоторых удобных метатеоретических шаблонов (как это происходило, например, с Толстым, которому вменяли фатализм и пр.). Н.Н. Страховым – по существу – ставился вопрос о рационально ответственном и герменевтически

осмотрительном мышлении (осмотрительном, в том числе, и социально, национально-типологически).

Но для того чтобы исследовать эту постановку, уточнить органический характер самого страховского мышления в его жизненных основаниях и историчности (вплоть до философской программы М.М. Бахтина), требуется возвратное понимание тех органических контекстов, в которых оно находилось. Иными словами, требуется осмыслить традицию русской философской герменевтики, которая годами находилась под спудом других исторических интересов. Так, ближайший к Страхову Аполлон Александрович Григорьев, которого Страхов называл самым философским критиком в России, – именно как мыслитель «забыт», чаще всего упоминается как эпизодический персонаж в истории русской филологии, как цыганствующий поэт или экспансивный собеседник и литературный критик. Одинокими, обособленными от общего хода исследовательской индустрии в интеллектуальной истории, являются исследования Б.Ф. Егорова. М.Г. Зельдович (1919–2008), харьковский литературовед, специалист по теории литературной критики, в 70–80-е годы XX века открыл Григорьева как критика-методолога, но это открытие не было ни широко замечено, ни подхвачено и развито. Задачи адекватного опознания, анализа и интерпретации творческого наследия Н.Н. Страхова и других значимых фигур его круга общения и взаимовлияния предстоит решать нынешним и будущим исследователям русской интеллектуальной истории.

Мотовникова Е.Н.: Восстанавливая историю сохранения памяти о личности и о наследии Н.Н. Страхова в контексте русской мысли конца XIX – начала XX столетия, нельзя не удивиться краткосрочности этой памяти в философских и литературно-критических текстах ближайшей эпохи. Имя его перестало упоминаться почти сразу после волны некрологов, опубликованных в 1896 году. Тогда памятные статьи, в которых более или менее подробно характеризовались его взгляды как философа и давалась оценка его просветительской деятельности в области науки, философии и литературной критики, были исполнены глубокого уважения, признания заслуг Страхова в развитии умственной жизни русского общества. Петербургский профессор философии и логики А.И. Введенский говорил и писал о Н.Н. Страхове: «...он написал несколько книг,

при помощи которых в России еще долгое время будут охотно начинать учиться мыслить и которые столь же долгое время будут считаться образцами философского изложения» [1, с. 8]. Московский профессор Н.Я. Грот, философ и психолог, поддерживая эту оценку, прибавлял: «его произведения станут скоро философскою хрестоматией для всякого русского читателя, желающего сделать первый серьезный шаг к самостоятельному мышлению. К сожалению, немногие внимательно изучали у нас его философские и литературные произведения» [4, с. 40]. Эта финальная оговорка Н.Я. Грота, которой он завершает свою статью, свидетельствует о его честности перед памятью старшего товарища и о проницательном предчувствии его скорого забвения, о понимании неготовности большинства современников к страховскому уровню постановки и решения философских вопросов.

Н.Н. Страхов, ровесник Л.Н. Толстого и Н.Г. Чернышевского, ушел на переломе эпох (1896 год – год коронации Николая II), и он знал, что его время заканчивается. Но смена лиц и умонастроений произошла слишком быстро: в течение года после смерти Страхова скоропостижно скончались Ю.Н. Говоруха-Отрок и Ф.Э. Шперк – молодые талантливые литературные критики, причислявшие себя к органической школе А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова; в 1897 году умер К.Н. Бестужев-Рюмин, наиболее авторитетный историк, поддерживавший сторону Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова в полемике с оппонентами концепции культурно-исторических типов; в 1899-ом умирает 47-летний Н.Я. Грот, лучший знаток идей Страхова в философском сообществе... И вот, менее чем через 20 лет после смерти Страхова, в 1913 году В.В. Розанов публикует переписку с ним в своей серии «Литературные изгнанники» и подробно комментирует письма конца 80-х – 90-х гг. как документы эпохи, малоизвестной и непонятной читателю нового века. В 1914 году к 50-летию памяти Ап. Григорьева выходит ряд публикаций, в которых Н.Н. Страхов упоминается только как издатель (а ведь он был *единственным* издателем собрания статей Григорьева), в лучшем случае, как недолгий приятель – без всякого историко-литературного и литературоведческого анализа. В 1915 году выходит книга Н.О. Лосского «Мир как органическое целое», в которой игнорируется «Мир как целое» Н.Н. Страхова – при том что в новой книге разрабатываются страховские темы фундаментального различия между

органическим и неорганическим философскими воззрениями, о преодолении пропасти между рациональным и мистическим знанием, об условности деления философии на онтологию и гносеологию и т.п. Чем, кроме глубокого предубеждения, можно объяснить закрытость для Н.О. Лосского философских интуиций Н.Н. Страхова?

Такое же предубеждение заставляло отворачиваться от книг Страхова новые поколения почитателей и последователей тех, с кем Страхов в свое время состоял в полемическом диалоге, но не во вражде (врагов у Страхова при жизни не было). И вот мы не встречаем упоминаний о Страхове в работах по истории Ученого комитета при Министерстве народного просвещения, где он прослужил 20 лет в тесном сотрудничестве с теми, кого исследователи считают важным назвать, – с А.Н. Майковым, Н.С. Лесковым, В.Г. Авсеенко, К.К. Сент-Илером и др. В статьях по истории Славянского комитета Страхов в лучшем случае упомянут в хронологии редакторов Славянского сборника. Мы не обнаруживаем имени Н.Н. Страхова даже на сайте Второй Санкт-Петербургской Гимназии, где он прослужил учителем естественной истории 8 лет и где создана специальная историческая страничка «Сотрудники гимназии XIX–XX веков» (<http://old.2spbgru.ru/pl1.php?id=03>). Этот «заговор молчания» распространяется и на подавляющее большинство биографий и воспоминаний многочисленных страховских сослуживцев, приятелей и знакомых – В.В. Стасова, А.Н. Майкова, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.С. Аксакова, Д.И. Менделеева, К.П. Победоносцева и пр. Как будто, не в силах отнять у Страхова документально подтвержденный почетный статус «собеседника» великих Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, у него за это отняли все остальные жизненные и житейские связи и навешали на него ярлыков «реакционера», «мракобеса», «националиста», эпигона в критике и дилетанта в философии, о котором и упоминать лишний раз не стоит, и гордиться знакомством с ним не приходится.

О стратегии и тактике построения барьеров между «первым русским философом» и его фактическими преемниками, потенциальной аудиторией читателей и учеников прямее и полнее всех написал Н.П. Ильин (Мальчевский) в книге «Трагедия русской философии», но пишут и другие авторы, встретившиеся в своих историко-философских, историко-литературных изысканиях со следами «заговорщицкой»

деятельности Вл. Соловьева и его многочисленных адептов. Развенчание и преодоление этой столетней нездоровой тенденциозности – одна из актуальных и долговременных исследовательских задач.

Лопин Р.А.: Говоря о сложности восприятия и актуальности наследия Н.Н. Стрхова в русской интеллектуальной истории начала XXI века, нельзя не обратить внимание на то, насколько мы разлучены с собственным культурно-историческим наследием – находимся в разных культурных и мировоззренческих координатах с творцами мира «ушедшей расы». Между тем, вполне можно предположить, что это наследие включает в себе прообразы иного, будущего мира нашей жизни. Всевозрастающий интерес к наследию Стрхова, внимательного, философски осмыслительного, связан, на мой взгляд, именно с желанием познавательно урвать культурно-исторический, жизненный, по существу, разрыв с опытом русской цивилизации, теперь обновляющей свои основания. Знаменательно, что новейшее узнавание Н.Н. Стрхова как великого русского мыслителя у петербуржцев началось лишь немного раньше, чем на его родине, Белгородчине. Возникновение в Санкт-Петербурге Русского Философского Общества имени Н.Н. Стрхова в 90-е годы – тому свидетельство.

Философско-исторический журнал, который это общество начало издавать, носил название «Русское самосознание». Русское самосознание – вот ключ к собственному культурно-историческому наследию, к которому принадлежат и труды Н.Н. Стрхова. Открыть это наследие для современности возможно только через приобщение к той русскости, которая определяла на протяжении всей истории самосознание русского человека.

Н.Н. Стрхов был одним из ученых, одним из творцов русской мысли, которые базировались на том национальном интеллектуальном основании, которое сегодня отдельные современные авторы отрицают как таковое. Сегодня многие пытаются вписать Н.Н. Стрхова во всевозможные модели развития философских школ, найти в его трудах привычные методологические рамки новоевропейского, автономного или самодостаточного мышления. Однако в интеллектуальной истории России и особенно во времена Н.Н. Стрхова мало у кого из русских мыслителей была какая-либо «методология»; методологией в русской философии того времени наиболее очевидным образом являлась определенная манера, жизненно ангажированный стиль мышления, настроенного на предметный

разговор о значимых вещах или событиях. Кем же был в данном методологическом, или, лучше сказать, стилистико-эпистемологическом контексте Н.Н. Стрхов? По сути дела, консерватором в мышлении (сегодня можно было бы сказать «консерватором просвещенным»), национальным мыслителем, который связывал свои идеи, свое собственное творчество с предшествующими философами, – их мы сейчас называем славянофилами, – хотя многие идеи его философии могут быть сегодня восприняты как более углубленные, расширенные по отношению к взглядам ранних славянофилов. Он не отрекался и от идей А.А. Григорьева, от «почвенничества», познавательно поддерживал связь с собственной культурой и собственной историей, со своим народом, которая дает право всякому русскому человеку заявлять о собственной позиции, в том числе научной. Это право Стрхов выразил в своих фундаментальных работах, особенно в публикациях, которые связаны с трудами Н.Я. Данилевского: в фактической защите известной его работы «Россия и Европа», в позиции по отношению к работе «Дарвинизм. Критическое исследование». Н.Н. Стрхов же выступил в роли эксперта и ценителя политической публицистики Н.Я. Данилевского. Преемственность русского, органического мышления, которую соблюдал Н.Н. Стрхов, из-за потрясений, связанных с революцией, подорвавшей естественный ход развития русской мысли, в том числе и науки, в современном аморфном дезориентирующем информационном пространстве, и в силу других факторов, нарушена. Сегодня больше воспринят и усвоен тонкий материализм Ч. Дарвина, К. Маркса и других, или же опыт идеализирующего мышления В.С. Соловьева, онтологически вполне чуждые русской мысли, нежели те установки отечественной мысли, которые были присущи работам Н.Н. Стрхова.

Стрхов был вполне апологетом православия: об этом очень ярко говорят его «Воспоминания о поездке на Афон», где на примере суждений французского автора Вогиюэ он в очередной раз показывает непонимание Европой красоты православия. Н.Н. Стрхов всегда боролся против нигилизма в образовании, против бессмысленности, духовной пустоты просвещения без Бога. У него есть совершенно потрясающее высказывание на эту тему: «...наше просвещение только отвело нас от главного пути. Мы выработали себе какое-то новое язычество, при котором разделение между людьми свободно разрослось и приняло тысячу разнообразных

форм, и мы почти все забыли сущность той религии, которая некогда была источником всей нашей духовной жизни» [10].

Современный исследователь «имперской традиции» в русской мысли М.Б. Смолин подчеркивает, что Н.Н. Страхов двигался против господствующих в науке и литературе течений, сиюминутных, модных. Он имел «фильтр», который ему позволял идти против течения. Этим фильтром было православие, в котором он был воспитан, оно определяло в его сознании примат истинности. Примат Истины для Страхова был выше, чем главенство научно-философской истины. Более того, он оставался неподвластным течениям, умея идти против них, не утрачивая ни научности, ни преемственности [7, с. 326]. Н.Н. Страхов же обладал способностью отстаивать свою позицию, иногда противоречащую вновь возникающим тенденциям развития науки; при этом Н.Н. Страхов был мощным связующим звеном для многих его современников, разных по убеждениям, но значимых для эпохи.

Шило Е.И.: Современную эпоху справедливо характеризуют как кризисную, причем кризис имеет глобальные масштабы, охватывая все страны и все сферы жизни: экономическую, социальную, духовную. Научной парадигмой, направленной на адекватное осмысление этих сложных кризисных нелинейных процессов, обычно называют синергетику (Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс); говорят также о концептуальном вкладе академика Н.Н. Моисеева, выдвинувшего идеи коэволюции человека и природы. Однако понимание сложности природного мира, его иерархичности, системности, органической многомерности (нелинейности) мы находим много раньше в работах нашего земляка Николая Николаевича Страхова.

Вопросы естествознания были в центре научных интересов Страхова на протяжении всей его жизни. Уже в магистерской диссертации «О костях запястья млекопитающих» (1857) он высказал целый ряд общих соображений о принципах научного познания в биологии. В 1859 г. Н.Н. Страхов опубликовал первую серьезную работу «Письма об органической жизни», в следующем году – «Значение гегелевской философии в настоящее время». Своими «натурфилософскими» статьями, помещенными в еженедельнике «Русский мир» и в журнале «Светоч» под заглавиями «Физиологические письма» и «Письма о жизни», он сразу как философ обратил на себя внимание Ап. Григорьева и Ф.М. Достоевского, которые привлекли его в

1861 году к созданию журнала «Время» – журнала «русской идеи». Уже тогда статьи Н.Н. Страхова не были чем-то разрозненным, а составляли последовательное раскрытие существенно нового взгляда на живую, органическую природу и на то место, которое занимает в ней человек.

В 1865 г. вышла в свет его первая работа собственно методологического характера «О методе естественных наук и значении их в общем образовании», содержащая контуры важнейших позднее развитых им концепций. Обязательными требованиями к научному исследованию Н.Н. Страхов объявил: 1) приведение исследуемого материала в *естественную* систему; 2) определение «ядра» этой системы, общей *идеи*, которая объединяет все элементы; 3) *объяснение* из этой идеи всех фактов [9, с. 152, 154–157 и др.]. Предлагаемый философом метод включал в себя и конкретные универсальные логические приемы: классификацию, сравнение, определение гомологических (сходных) частей, анализ и др.

Опираясь на данные конкретных наук, Н.Н. Страхов показывал, что весь ход развития науки ведет к доказательству единства, целостности мира. «...Этнограф при описании народов, лингвист при рассуждении о языках, эстетик при рассмотрении изящных произведений искусства, – все должны привести предметы своего изучения в их естественный порядок, в естественную систему, и для этого должны следовать тем же правилам и законам, каким следует естественная история» [9, с. 17]. В этой связи интересно отметить, что в своей магистерской работе Н.Н. Страхов писал о сравнительной анатомии как о науке, предметом которой является изучение формы организма или его части, установление черт сходства или различия, развитие органа (онтогенез), установление связей между элементами целостной структуры. Он показывал эту логику исследования на примере изучения кисти, рассматривая взаимосвязь между структурой костей запястья и их функцией в связи с образом жизни, со средой обитания. Для анализа скелета кисти и установления гомологии костей Н.Н. Страхов применил математические методы изучения формы, размеров, взаимного расположения и особенностей соединения костей запястья млекопитающих, относящихся к разным систематическим группам. По сути, не употребляя самого термина «морфология», он разрабатывал основы нового направления, новой комплексной науки – морфологии животных.

Термин «морфология» является примером того, как биологические понятия включаются в человеческую культуру. Первоначально термин был

использован И.В. Гете в «Опыте объяснения метаморфоза растений» (1790), где он писал, что к семейству естественных наук «надо еще присоединить морфологию, которая главным образом интересуется органическими формами (Gestalten), их различием, их образованием и преобразованием (Bildung und Umbildung)». Карл Фридрих Бурдах (1776–1847) применяет этот термин в труде «О задачах морфологии» (Über die Aufgabe der Morphologie, 1818). В ботанике термин утвердился со времени выхода знаменитой книги М. Шлейдена (1804–1881) «Основы ботаники» (Grundzüge der Botanik, 1842–1843). Геоморфология изучает рельеф, его структуру и происхождение. Широкое толкование термина позволило Августу Шлейхеру применить его в 1860 г. в лингвистике при исследовании отношений внутри индоевропейской языковой семьи. Он определил язык как естественную часть жизни, изменения которой происходят по законам естественного отбора по аналогии с развитием биологического вида. Освальд Шпенглер (1880–1936) назвал свои исследования по философии истории и культуры «Очерки морфологии всемирной истории». Лео Фробениус (1873–1938) в «Происхождении африканских культур» (1898) говорил о морфологии культуры. В наши дни В.П. Чичагов, Э.А. Лихачева (ведущие в России специалист по геоморфологии), и другие, в том числе белгородские географы А.Н. Петин, Ю.Г. Чендев, П.В. Голеусов, изучая воздействие человека на рельеф земной поверхности, говорят об «антропогенной геоморфологии» как особом научном направлении. В этих комплексных междисциплинарных исследованиях продолжает развиваться современное морфологическое направление, горячим сторонником которого был и которое методологически обосновывал Н.Н. Страхов.

Салманова И.Ф.: Наш разговор принимает, на мой взгляд, все более глобальный характер: мы ищем и находим в мышлении Н.Н. Страхова некие архетипические начала, прообразующие смыслы в различных областях интеллектуальной истории. Такие поиски не только продуктивны и ведут к уточнению контекстов страховского мышления со стороны будущей для него интеллектуальной истории, но и довольно опасны. . .

Липич Т.И.: Это ровно то, что я хотела сказать: важно учесть, что Страхов в своем мышлении не только национален, или невольно предвосхищает будущие находки в области эпистемологии естественных наук, но и то, что он прежде всего традиционен, энциклопедически корректен по отношению к традиции философского знания. Уже

упоминалось его внимание к кантовской и шопенгауэровской традиции, вообще традиции европейского критического мышления. Но не менее важно реконструировать то место, которое он занимает в истории русских восприятий и истолкований шеллингианства и гётеанства. Органическую традицию в интеллектуальной истории России, философских диалогах первой половины и середины XIX века трудно свести только к каким-то исконным аристотелевским основоположениям, аристотелевской герменевтике рационального мышления и его онтологических условий возможности; необходимо представить себе и ситуацию преодоления аристотелевской герменевтики и онтологии, как, собственно, и трансцендентальной критики, то свободное парение мыслящего духа, к которому обращались немецкие, прежде всего, интеллектуалы склада Шеллинга, Гёте, или, скажем, Гегеля, которому Страхов очевидным образом симпатизировал. А Фихте?

Салманова И.Ф.: Да, но при этом опасность «растаскивания» наследия Н.Н. Страхова по неким дисциплинарным углам вполне сохраняется. Страхов – энциклопедист, вне сомнения. Но, насколько могу судить, он ничуть не сухой, зарывшийся в книги персонаж русской интеллектуальной истории – он очень живой уже в своей повседневности, откликавшийся на любые, даже пустячные просьбы, входивший в разные разговоры, полезные не ему только одному. И отзывчивый и стойкий, между прочим: его «Толки о Толстом» – это крепкий щит, надежная защита правды мышления Толстого. Защищал, не убоившись общественного мнения, суда, перетолков. Мне кажется, многое проясняется в отношении Страхова, если мы обратим внимание на целостный характер его личности, не только рациональной или пластичной в интеллектуальном отношении, но и вполне отважной.

Ольхов П.А.: Среди архивных заметок Страхова мы находим фрагменты, в которых он высказывается насчет христианских начал европейского мышления, мистико-христианской историчности мышления Декарта, Канта и Гегеля. Собственно, это тоже отвага: мыслить историчность интеллектуальной истории, не становясь под некие интерпретативные знамена прогресса, развития и т.д., так свойственные его времени.

Чжу Цзяньган: Мне кажется очень важным помнить, что Страхов – мыслитель именно консервативного склада, мыслитель той школы русской мысли, которая учит соблюдать традицию социального самопонимания. Стоит, в связи с этим, обратить внимание на принципиальный антинигилизм Страхова: он делает нигилизм

предметом своего анализа в самых разных познавательных ракурсах, от литературно-критического до естественнонаучного. Природа нигилизма усматривается им вне узкого контекста интеллектуальной истории, именно как социальная и жизненная. Нигилизм возникает на некоей модернизационной волне передовых идей и переобобщений этих идей, как своего рода попытка социального сплочения в мышлении – как экзистенциальный выбор в социальном самопонимании, возвращающийся к своим истокам. Но как избежать нигилистического круга в самопонимании? Страхов так или иначе размышляет об этом и показывает антинигилистический, альтернативный путь социального самопонимания в «Бедности нашей литературы», «Письмах о нигилизме», критических статьях об «Отцах и детях», «Преступлении и наказании», своей критической поэме о «Воине и мире». Как мыслитель, который получил естественнонаучное образование, Страхов, конечно, знает, как разум, рациональность помогает человечеству продвинуться в его поступательном движении; но он также распознает и опасность, которая возникает при общесоциальном увлечении рациональным (дарвиновская теория эволюции – «великий прогресс», «огромный шаг в движении естественных наук», но его абсолютизирующее социальное понимание весьма вредит самому этому пониманию).

Маляр Н.Б.: Показателен женский вопрос, который занимает во времена Страхова многих, в том числе и Толстого, с которым Страхов переписывается по этому поводу. В работе «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины»» Н.Н. Страхов обращается к очень важной проблеме понимания того, что есть истинная забота о женщине в обществе, требующем равноправия.

Свой анализ проблемы автор начинает с напоминания о том, что познание вещи с необходимостью требует ее отличия от всякой другой: «Каковы бы ни были вещи сами в себе, познание во всяком случае должно состоять в том, чтобы эти вещи были различены между собою, чтобы найдено было их взаимное разграничение, тот порядок, по которому они не смешиваются между собою, чтобы открыто было то единственное значение, которое принадлежит каждой познаваемой вещи и которое никакой другой принадлежать не может» [8, с. 113]. И далее: «новая мудрость, утверждающая, что для нее вещи друг от друга не различаются, тем самым утверждает, что она ничего о них не знает...» [там же].

Действительно, этот апофатический принцип можно выразить формулировкой «что данный объект не есть...». По-видимому, всякое познание должно как начинаться этой формулой, так и заканчиваться ею, выходя при этом на некий иной, более высокий уровень. И в данном случае Н.Н. Страхов продолжает православную традицию, в которой Сам Бог предстает перед человеческим разумом как неизреченный, бесконечный, неделимый, невидимый, неограниченный и т.д. Этот «отрицательный» путь богословия есть тот самый результат, к которому стремится познающий человек. И это самое «не то», «другое», «иное» оказывается более совершенным, честным ответом, нежели поспешное и ложное утверждение. Поскольку человеческая личность создана по образу Бога, постольку и ее определение может быть выражено лишь через апофатический принцип.

Но мало сказать, что женщина *не есть* мужчина, ведь из этого могут проистекать различные следствия. Так, Дж.С. Милль в своем сочинении ставит в связи с этим вопрос о равенстве прав и возможностей. Н.Н. Страхов же отказывается от подробного разбора объективных различий в телесной и психической организации между мужчиной и женщиной, поднимая вопрос на более высокий уровень осмысления. Философ пишет: «Может быть, явится из женщин несколько порядочных солдат, несколько недурных членов парламента. Велик ли от этого будет выигрыш для человечества? А какое извращение истинной женской природы, какой опасный пример!» [8, с. 144].

Совершенно логично начинать разговор о проблеме «заботы» с самого определения того, о чем эта самая забота. Что есть большее благо для женщины, либо меньшее зло? Необходимо знать природу объекта заботы, чтобы осуществлять заботу в соответствии с тем, что задано его природой. Но отказываясь от познания природы женщины, мы с неизбежностью придем к решению, согласно которому не следует определять заранее ни цели, ни содержания деятельности, и наилучшим порядком является тот, «который сам собою возникает из беспорядка». Иными словами, подлинная забота предполагает наличие образца, идеала того, к чему следует стремиться, что и предполагает любая разумная деятельность. Н.Н. Страхов видит в работе Дж. Ст. Милля призыв к тому, чтобы поставить вопрос о месте женщины в обществе на рельсы свободной конкуренции, которая только и должна решать годность к определенному положению в обществе, сфере

деятельности. При этом действительно, как верно отметил Н.Н. Страхов, не ставится вопрос о том, выдержит ли женская природа конкуренции в игре по мужским правилам.

В связи с этим хочется вспомнить работу Кэрол Гиллиган «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» [3]. В ней убедительно показано, почему «мужские модели» зачастую выглядят выигрышнее и лучше. Это связано с тем, что они удовлетворяют требованиям современного корпоративного успеха. Не о нем ли писал в своей работе и Дж. Ст. Милль? Так, Н.Н. Страхов приводит цитату из его работы: «Закон никогда ничего подобного не делал, и опыт вовсе не доказывает необходимости существования какой-то теоретической неравноправности между членами одной фирмы, или других условий товарищества, кроме условий, которыми сами товарищи свяжут себя по контракту. Между тем исключительная власть в этом случае была бы менее опасна для прав и интересов подчиненного, чем в брачном товариществе, потому что члены торговой фирмы всё-таки сохранили бы право свободного выхода из ассоциации; жена же этого права не имеет» [8, с. 147].

Действительно, чуткость и внимательность к чувствам других, то самое «женское сердце», о котором пишет Н.Н. Страхов, имеют небольшую рыночную ценность, а зачастую становятся препятствием к профессиональному успеху. Именно эту мысль подчеркивает К. Гиллиган: если женщина не хочет остаться зависимой от мужчины, она должна научиться играть, как мужчина. При этом исследовательница с иронией замечает, что история Адама и Евы помимо прочего показывает также, что попытка сотворить женщину из мужчины с необходимостью приведет к «затруднительному положению». Такова психология тех, кто пишет эту самую психологию: трудно говорить «иной», не подразумевая под этим «лучший» или «худший». Н.Н. Страхов отказывается продолжать эту игру слов, не желает смотреть на проблему в той постановке, в которой ее подает Дж. Ст. Милль. И дело даже не в том, что английская теория свободной конкуренции А. Смита исторически себя не оправдала даже в пределах самой экономической теории. Н.Н. Страхов отказывается от подобных мелочных разбирательств. Он требует переноса вопроса заботы о женщине на уровень идеалов и ценностей. «Если бы равенство способностей требовалось для равенства прав, то мы пришли бы к величайшим несправедливостям. Не в том ли состоит истинно человеколюбивое и христианское начало, что человеческое

достоинство признается и за людьми мало развитыми, за слабыми и неспособными?» [8, с. 132] – на этом месте Н.Н. Страхов ставит логическую точку в разбирательствах по поводу возможных качественных различий.

Самый главный вопрос заключается, по мысли философа, совсем в другом: «...Важно не право, не свобода, а то, для чего нужны право и свобода» [8, с. 138]. Поскольку право и свобода являются только возможностями или условием какой-либо деятельности, следовательно, должен быть решен вопрос о цели, идеале этой самой деятельности. Н.Н. Страхов пишет: «Благородство и прелесть женской натуры принадлежат ей только на том условии, чтобы она не изменяла самой себе. Чем прекраснее вещь, тем отвратительнее ее отклонения от типа, извращения ее природы. Из женщин выходят не одни богини и мадонны, из них же выходят и фурии и ведьмы. Уклонения тем возможнее, тем многочисленнее и глубже, чем выше и чище идеал» [8, с. 140].

Поиск решения вопроса о женской природе, об ее идеале философ видит прежде всего в таинстве отношений между мужчиной и женщиной. Н.Н. Страхов называет эти отношения «настоящим узлом жизни, от которого существенно зависит ее красота и ее безобразие» [8, с. 149]. Интересно в связи с этим привести толкования исследователей библейских текстов по поводу сотворения жены. Еврейское слово «эзер ке-негдо» (Быт. 2:18) означает некоторую противопоставленность, которую можно уподобить зеркалу. Также отмечается заложенная в этом слове альтернатива. Так, в трактате Йевамот: «Сказал раби Элиэзер: «Что [означает] сказанное: 'сделаю ему ['эзер кенегдо'], помощника против него'? Будет он достоин – помощник, не будет он достоин – противник»» [5].

Таким образом, мужчина может стать поистине мужчиной лишь рядом с женщиной, только вместе муж и жена образуют Адама-человека. Следовательно, искажение природы женщин с необходимостью влечет за собой искажения в природе мужчин, и наоборот. А это расширяет первоначальный вопрос до уровня заботы о человеке вообще. В соответствии с этой органичностью и необходимо рассматривать проблему заботы о женщине. На мой взгляд, Страхов в анализе этой этической проблемы позволяет увидеть себя другим в ситуации уже нашего времени, и увидеть не столько с биографическим, сколько с перспективно-герменевтическим пристрастием.

Черкесов В.Н.: Я хотел бы поддержать выступление Н.Б. Маляр насчет дополнительных возможностей, которые дает нам для

интерпретации страхового наследия наше настоящее – будущее для Страхова. Применительно к истории литературы Страхов из нашего настоящего видится не столько литературным критиком – сколько теоретиком, который исходит из художественного мышления – Толстого, Достоевского ли – и фиксирует некие исторически транзитные максимы этого мышления. Его критика антитетична критике, рассуждающей в границах заданной интеллектуальной моды, и именно поэтому становится для нас теорией, созвучным нам глубинным пониманием жизненных, продолжающихся в романах и иных художественных произведениях процессов. Произведения многих критиков – современников Страхова – нам кажутся устаревшими, а Страхов читается почти что как наш современник; это свидетельство прежде всего глубинного, теоретического начала его мышления, облекавшегося в критические формы. Страхов не рассуждает о перспективе, развитии и прогрессе, но пишет именно на перспективу.

Сагитова Л.К.: Я хотела бы вернуться к материальному: чем труднее, чем менее доступен для нас мыслитель, тем важнее реконструировать его диалогический кругозор или, иначе, ту книжную культуру, в которую он был погружен и в которой обретало некую обоснованность, энциклопедическую свободу его мышление. В нашем случае дело идет о необходимости реконструкции домашней библиотеки. В настоящее время активно изучаются библиотеки выдающихся деятелей русской культуры разных эпох (работы А.Г. Айнбиндера, Л.А. Балыковой, Н.А. Шавыркиной¹ и др.); появились исследования личных библиотек конкретных регионов². Интерес ученых к личной (персональной, семейной,

домашней) библиотеке сегодня заметно вырос. Это связано с пониманием того, что личная библиотека отражает интеллектуальную и духовную жизнь человека, семьи и всего общества в целом. Уместно вспомнить слова Д.С. Лихачева: «Личную библиотеку считают визитной карточкой хозяина» [Цит. по: 6, с. 102]. Или такое, ставшее крылатым выражение, – не только человек собирает книги, но и книги «собирают» человека. Значительный вклад в изучение личной библиотеки внесли книговеды. Пришло время заняться изучением библиотеки Н.Н. Страхова, его книжной коллекции, одной из крупнейших в России его времени, составившейся под влиянием его интересов и потребностей. По счастью, эта коллекция была отражена в сохранившейся описи. Опись содержит более восьми тысяч изданий и находится в Российской национальной библиотеке, ранее Императорской публичной библиотеке, где Н.Н. Страхов с 1873 по 1885 г. работал библиотекарем. Есть сведения, что книги Н.Н. Страхова имеются в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета [2]. Таким образом, база исследования – две санкт-петербургские библиотеки, определены. Теоретико-методологические основания исследования феномена личной библиотеки разработаны, достаточно упомянуть работу той же Н.А. Шавыркиной [11]. Предметом исследования личной библиотеки Н.Н. Страхова может быть библиографическая реконструкция, типологическая и культурно-функциональная характеристика. Так как Н.Н. Страхов занимался разными сферами деятельности (педагогика, журналистика, литературоведение и др.), имел разносторонние интересы и обширный круг общения, можно предположить, говоря образным языком, что библиотека является зеркалом диалогов Н.Н. Страхова. Если в составе фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета действительно сохранились книги из личной библиотеки Н.Н. Страхова, что дает возможность выявить пометы, экслибрисы, дарительные надписи, можно изучить также их библиофильское значение. Таков неполный, приблизительный перечень векторов изучения личной библиотеки Н.Н. Страхова. Условия для исследования искомого содержания имеются: это исследовательский центр – библиотека-музей Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», аспирантура в двух вузах Белгорода БелГУ и БГИИК, заинтересованность и компетентность возможных научных руководителей.

Лунич Т.И.: Можно ли ставить вопрос о книжной культуре, или культурном энциклопедизме личности Страхова как о ее

¹ Айнбиндер А.Г. Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии: автореф. дисс. ... канд. искусствовед. М., 2010. Балыкова Л.А. Мемориальная библиотека И. С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. Шавыркина Н.А. Книжное собрание графов Шереметевых как отражение российского библиофильства XVIII века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 05.25.04 (книговедение). М., 1995.

² См., напр.: Захарова О.В. Личная библиотека в культурном пространстве российской провинции: от XIX к XXI веку: на материалах Мордовского края: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Саранск, 2009. Бровина А.А. Личные библиотеки Архангельской и Вологодской губерний в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999.

музейном проектировании? В Белгороде уже состоялся опыт такого проектирования в рамках библиотеки-музея А.С. Пушкина. И вот теперь новый эксперимент: разрабатывается проектная идея библиотеки-музея Н.Н. Стрхова, которая в определенной своей части была поддержана грантом Президента России, а теперь развивается как уникальный проект Белгородского государственного университета.

Монастырева В.А.: «Органичным» будет, на мой взгляд, говорить о формировании единой и типологически конкретной, интерактивной среды библиотеки-музея. Сейчас создан первичный виртуальный слой: электронный каталог трудов Н.Н. Стрхова и работ о нем, тексты о нем. Второй слой – личная библиотека Н.Н. Стрхова, ее тексты и ее образы. Еще один слой – сопоставления текстов и толкований, что позволит уже поставить вопрос об издании собрания сочинений Н.Н. Стрхова. Все это подтверждается или находит свою символическую увязку с музейной предметностью библиотеки, «магическим реализмом» музейного пространства, в котором встречаются и уточняются различные формы жизнедеятельности, образы жизни и мышления.

Ольхов П.А.: В некотором проектном пределе это будет, возможно, музей русской словесности, живого русского слова, как оно упрочивалось и давало себя знать в разговорах и текстах Н.Н. Стрхова и его собеседников, в зримой полноте книжной культуры XIX в., представленной для человека XXI столетия, связанной с ним не линией какой-то исключительной почтительности к прошлому, а доверия к его жизненности.

Денисова И.В.: Да, именно. Музей должен быть готов сообщить о неизвестном или сомнительном, уточняя тем самым достоинство известного. Не склеп, не хранилище мертвых вещей, а «музейон», место оживления памяти и экзистенциальной концентрации. К слову, мы не смогли обнаружить место захоронения Н.Н. Стрхова на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге: утрачено надгробие, а вместе и ним и могила. Но в музейном отношении эта ситуация должна быть оценена не только как печальная, но и вполне знаменательная. Или, скажем, внезапно прерванные жизни учеников Н.Н. Стрхова – от Ю.Н. Говорухи-Отрока (тоже, к слову, уроженца белгородской земли, умершего в один год со Стрховым), или Ф.Э. Шперка до В.В. Розанова – какой простор для диалогически корректного,

герменевтически пластичного проектирования библиотеки-музея Н.Н. Стрхова!

Абрамова В.А.: У Н.Н. Стрхова свой, особый взгляд на творчество крупнейших русских мыслителей XIX века. Я столкнулась с этим при работе над страховскими материалами о Пушкине. Вспоминаю, как нам, белгородской Пушкинской библиотеке-музею сотрудники петербургского пушкинского музея на Мойке, 12 передали в дар коллекцию различных книг, среди которых была книга Николая Николаевича, которую нельзя было отложить и не заметить. Мы были счастливы узнать, что на нашей белгородской земле сошлись две линии русской культуры, пушкинская и страховская, стали готовить материалы к экспозиции, изготовили первую в Белгороде копию репинского портрета Стрхова... Думаю, верным будет предполагать особый интерес, который проявляют или могут проявить российские библиотеки, архивы и музеи к нашему проекту библиотеки-музея Н.Н. Стрхова: необычность и основательность его толкований русской мысли интенсифицирует наше теперешнее общение, межбиблиотечное и межмузейное.

Ольхов П.А.: Время нашего разговора истекает. В заключение я хотел бы особенно заметить, что память о Н.Н. Стрхове, которая возобновляется в современной интеллектуальной истории России, нуждается в особых мерах предосторожности. Не сбиться в идеологическое «доворачивание» образа жизни и мышления Стрхова, не «засмыслить» его в жестких линейных или дисциплинарных матрицах толкования, – эти пусть пока отрицательные исследовательские максимы важны для того, чтобы реконструкция *речевого мышления* Н.Н. Стрхова в контексте актуализации интеллектуальной истории России XIX в. не стала эпистемологически самодовлеющей или исключительно игровой, – не впала бы крайности овнешненного понимания одного из самых диалогичных русских мыслителей. Спасибо.

«Круглый стол» проведен при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ».

Литература

1. Введенский, А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Стрхова // Образование. 1896. № 3, отд. II. С. 1–8.
2. Вознесенский, А.В., Николаев, Н.И., Савельев, А.А. Исторические коллекции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-

Петербургского университета (состав и изучение) // Библиотечные фонды: проблемы и решения: электронный журнал-препринт. 2003. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag04/2_1.php?id_sec=11&papka=12 (дата обращения: 01.02.2017)

3. Гиллиган, К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 352–371.

4. Грот, Н.Я. Памяти Н.Н. Стрехова: к характеристике его философского мирозерцания. Оттиск из № 32 «Вопросов философии и психологии». М., 1896. 40 с.

5. Лейбович, Н. Новые исследования книги Берешит в свете классических комментариев [Электронный ресурс] URL: http://jhistory.nfurman.com/traditions/nehama/in_nl.htm (дата обращения: 01.02.2017)

6. Марков, А.Ф. «Храните у себя эту книжку...» (Заметки библиофила). М.: Книга, 1989. 351 с.

7. Смолин, М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М.: Имперская традиция, 2005. 447 с.

8. Стрехов, Н.Н. Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». Оттиск из журнала «Заря» 1870. Кн. 2. Отд. II. С. 107–149. СПб., 1871. 45 с.

9. Стрехов, Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865. 185 с.

10. Стрехов, Н.Н. Французская статья об Л. Н. Толстом. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0650oldorfo.shtml (дата обращения: 01.02.2017)

11. Шавыркина Н.А. Личная библиотека как социально-культурное явление. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук: 24.00.02. М., 2000. 44 с.

References

1. Vvedensky, A. I. The Importance of N. Strakhov's Philosophical Activity. *Obrazovanie*. No. 3 (1896) dep. II. Pp. 1–8.

2. Voznesensky, A. V., Nikolaev, N. I. and Saveliev, A. A. Historical Collections of the Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of the St. Petersburg University (composition and study). *Bibliotечnye fondy: problemy i resheniya [Library Funds: Problems and Solutions]: Electronic journal-preprint*. No. 4. 2003. [Online] URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag04/2_1.php?id_sec=11&papka=12 (date of access: February 1, 2017)

3. Gilligan, Carol. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. In: *Ethical Thought: 1991*. Ed. A. Huseynov. Moscow: Respublika, 1992. Pp. 352–371.

4. Grot, N. Ya. *In Memory of N. Strakhov: to the Characteristics of His Philosophical Outlook*. Moscow, 1896. 40 p.

5. Leibovich, N. *New Research on the Book Bereshit in the Light of Classical Commentaries* [Online] URL: http://jhistory.nfurman.com/traditions/nehama/in_nl.htm (date of access: February 1, 2017)

6. Markov, A. F. "Keep this Book in Your Home ..." (*Notes of the Bibliophile*). Moscow: Kniga, 1989. 351 p.

7. Smolin, M. B. *Encyclopedia of the Imperial Tradition of Russian Thought*. Moscow: Imperskaya traditsiya, 2005. 447 p.

8. Strakhov, N. N. *A Woman's Question. Analysis of the Work of John Stuart Mill "On the Subordination of Women"*. St. Petersburg, 1871. 45 p.

9. Strakhov, N. N. *On the Method of Natural Sciences and their Significance in General Education*. St. Petersburg, 1865. 185 p.

10. Strakhov, N. N. *French Article about Leo Tolstoy*. [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0650oldorfo.shtml (date of access: February 1, 2017)

11. Shavyrkina, N. A. *Personal Library as a Socio-Cultural Phenomenon*. Author's abstract. Diss. ... Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2000. 44 p.